

**Владимир
ЧЕРНЯВСКИЙ**
г. Москва

Я вернусь...

«Жигуленок» дребезжит по плохому асфальту, водитель то и дело сбрасывает скорость. Старательно объезжает выбоины – машина единственная кормилица. Когда-то в здешних краях выживать помогала лошадь, теперь кормит бензиновый металлический конь.

Дорога от Петрозаводска до Кеми занимает чуть более четырех часов. Мы добираемся под вечер. И только тут я ощущаю себя действительно свободным. Ни набитый людьми поезд, ни «город заводов», встретивший холодным мокрым ветром, не дали по-настоящему расслабиться, но здесь, в вечерней тишине на берегу Белого моря, я наконец достигаю умиротворения.

Ночую в паломническом доме. Небольшую комнату перегораживают двухъярусные деревянные нары с набитыми соломой матрасами поверх досок. Соседи немилосердно храпят. Но сон побеждает, и я проваливаюсь на дно юркой лодки, что качает и несет неведомо куда.

Утро встречает инеем – лето здесь суровое. С собой у меня только рюкзак и спальник. Пока иду к пристани, пытаюсь унять дрожь и еще больше замерзаю. Спасают теплый уют миниатюрного катерного кубрика и чашка горячего чая. Единственный член экипажа – коренастый мужик с пунцовым обветренным лицом, представляется Евгением и крепко, до боли жмет мою руку. По виду он искренне рад пассажиру. Похоже, я у него первый за долгое время клиент, а то и первый в сезоне. Мы не теряем времени и отчаливаем в сторону светлеющего горизонта.

Кто я сейчас, пребывающий в дорожном междуцарствии? Уже не житель столичного мегаполиса, но и не здешний абориген. Город сходит слоями, словно старая кожа. На задворках сознания еще шевелится магистраль, бежит под землей метро, и крутится колесо времени, постепенно замедляя ход, чтобы впустить вещество вечности, что наполняет легкие с каждым вдохом здешнего воздуха. Рука все еще машинально тянется к карману, но телефон давно выключен и покоится на дне рюкзака. Я забываю себя прежнего и открываюсь новому.

На палубе заметно качает. От берега осталась лишь тонкая полоска. Впереди – море до горизонта. Евгений рассказывает о белухах. Говорит, их можно увидеть в это время года. Я не тороплюсь поддерживать разговор, лишь вежливо киваю, замороженно глядя на игру темной до черноты воды за бортом. Воображение отрывает меня от палубы и несет подобно воздушному шару все выше и выше к свинцовым тучам, откуда наш катер представляется крохотной точкой на бескрайней морской хляби, архаичной и первозданной, как древние материки, ушедшие миллионы лет назад под холодные покровы северных морей. Говорят, там, в километровой толще воды, лежат во сне горы и равнины с руслами могучих рек и руинами древних мегалитов, над которыми, словно птицы, проплывают киты.

Небо над Белым морем постоянно меняется, будто в калейдоскопе. Дует ветер, за минуты собираются темные чернильные тучи, и вот уже перед носом катера встают исполинские колонны дождя. Болтает, волны хлещут по палубе. Кажется, это надолго,

но шторм прекращается – ветер гонит тучи прочь, как ни в чем не бывало светит солнце и искрится вода. Впереди снова темнеет, и все повторяется.

Меня, выросшего в городском комфорте, вначале пугал убийственный холод Белого моря. После я принял нехитрую философию жизни бок о бок с дикой стихией. Она требует к себе почтительного отношения. Редко кто смог побывать в объятиях черной воды и выйти невредимым. Здесь ошибки кончаются смертью. И впервые меня привела в эти места именно смерть.

Когда мы с женой покупали нашу городскую квартиру, пожилая хозяйка упомянула, что раньше у нее жил кот, но сбежал. Она долго его искала и уже не надеялась найти, как вдруг встретила в компании других диких котов – грязного, с ободранным ухом, но довольного собой. Она звала его, но тот лишь отвернулся. Прошло лет пять, как мы отпраздновали новоселье, и однажды, придя с работы, обнаружили на подоконнике грязный кошачий след. Поискав под диванами, я догадался посмотреть на шкафу. Там лежал бездыханный кот – приполз умирать в родной дом.

Так и я два десятка лет назад, когда врачи подтвердили смертельный диагноз, решил съездить на родину далеких предков. Дед много рассказывал про поморскую деревню на берегу Белого моря. Будто болезнь обострила слух, и я услышал тихий зов, который звучал всегда, но заглушался шумом моей суетной жизни. Так в первый раз мы с женой оказались на Соловках.

Тогда мы наняли лодку и доплыли до крайних Кузовов, на Олешиноме Кузове поставили палатку и провели неделю на острове. Когда вернулись, то очередное обследование показало, что болезнь отступила.

Чудо, подарившее нам еще двадцать лет совместной жизни. Мы купили по случаю большую карту Белого моря, растянули ее во всю стену в гостиной и каждый год ставили флажки там, где уже побывали. Сейчас карта пестреет, как советская первомайская демонстрация.

С наступлением лета я спрашивал: «Ириш, куда в этом году?» Мы с напусковой серьезностью подходили к карте и выбирали новый маршрут. Подбивали финансы, накопленные за год. Планировали, приводили в порядок палатку и снаряжение. Соловки мы исходили и изъездили за первые несколько лет. Нам больше нравились маленькие островки – чтобы немного леса, мшистые валуны и море кругом. Там днем на камни выползали тюлени понежиться в скудных солнечных лучах. Мы тоже любили лежать на берегу, постелив под спины «пенки», и смотреть в ясное, без облачка, небо. Казалось, воздух напол-

нен светящимся снегом. Он кружил и кружил, и мы, паря над землей, открывали друг другу все, о чем думалось за день. А ближе к ночи на землю обрушивалось звездное небо. Гигантский купол с миллиардами сверкающих бриллиантов отражался в зеркальной поверхности моря. Вселенная медленно двигалась над нашими головами, напоминая, что мы лишь микроскопические частицы звездной пыли.

Но в этот раз я плыву к Соловкам один. Катер довозит до Анзера. Там Евгений поворачивает обратно, а я пересекаю остров, пробираюсь сквозь лес и болота до самой северной точки. Местный монах одалживает мне небольшую алюминиевую плоскодонку. Я ночью на берегу, а поутру выхожу в море.

Забравшись в лодку, я с силой отталкиваюсь от прибрежного камня. Прежде чем взяться за весла, кидаю взгляд на берег. Ветер гуляет по кронам деревьев. Кажется, лес превратился в пластичную массу, в темное зеленое море, по которому ходят мохнатые волны, огибая луковицы Голгофского скита. Но вокруг меня стоит полный штиль. Четко видно дно – круглые разноцветные камни и редкие водоросли. Не хочется веслами мутить красоту, но я начинаю грести и не могу остановиться, будто жду какого-то знака или сигнала «стоп». Возможно, просто боюсь того, что должен сделать дальше.

Лодка проходит не менее километра, когда рядом, у самой поверхности, бесшумно скользит мощное белое тело. Белуха то плывет возле борта, то подныривает под днище, скрываясь из вида. Но вскоре мое общество ей наскучивает, и она исчезает в глубине, на прощанье подняв над водой хвостовой т-образный плавник.

В этот момент я почувствую, что время настало. Бросаю весла, достаю из-под скамейки рюкзак, опускаю туда обе руки и вытаскиваю жестяную коробку. «Вот и все, Ириш. Это наш последний совместный маршрут». В груди шевелится тоскливая горечь. Я надеялся, что Соловки снова сделают чудо – примирят меня с моим горем. Но боги севера остаются безучастными.

Она сгорела за месяц. Почувствовала себя плохо на работе. Слегла и больше не вставала. За неделю до смерти хотел забрать ее из больницы, но врачи убедили, что в хосписе уход лучше. Надо было поступить по-своему. Я не сдерживаю слезы. «Ириш, скажи, что мне теперь делать?» Знаю, что она не ответит, но все равно твержу и твержу. Выплакавшись, вытираю рукавом лицо, открываю жестяную крышку и медленно высыпаю серую пыль в темную воду. Пепел сперва плывет, но быстро намокает и исчезает. Я беру весла и гребу обратно к острову.

На середине пути лодку встречает с берега шквальный ветер. Крутит, поднимая пенящиеся вол-

ны. Вмиг собираются тучи, вокруг темнеет. Дождь начинается редкими тяжелыми каплями, а после льет сплошным потоком. Одежда, мгновенно намокнув, прилипает к телу. Вцепившись в весла, я безуспешно пытаюсь выровнять лодку, но она продолжает раскачиваться и крутиться. Быстро набирается вода, приходится браться за ковш.

Страх нет, вместе с тем пронзительно хочется жить. Яркими вспышками в памяти всплывают незавершенные дела, люди, с кем надо непременно увидаться, хочется хотя бы еще одно лето провести на этих островах. Накатывает невесть откуда взявшаяся ярость. Я двигаюсь словно безумный – гребу и вычерпываю воду, откуда дождь внезапно не прекращается. Тучи уходят, ветер стихает. На море снова штиль. Уняв дрожь, я на остатках сил плыву к суше. Когда до берега остается немного, не выдерживаю и, спрыгнув с лодки, иду последние метры по грудь в ледяной воде. Выбираюсь ползком на камни и падаю в забытие.

Находит меня тот же монах, который днем ранее одолжил плоскодонку. В своей сторожке растирает мне водкой спину и грудь и дает немного внутрь, перед тем как я окончательно проваливаюсь в горячий бред. Все плыву куда-то, качаясь на волнах. Иногда открываю глаза, и рядом сидит Ириша. Она кладет мне на лоб прохладную руку, а я все хочу поймать ее пальцы и поцеловать, но не могу – тело словно сжимают цепи. Потом снится Евгений. Он качает головой, открывает рот, и в моем мозгу ударяет колокол. Хочется бежать, но цепи держат, а колокол все бьет и бьет набатом.

Меня будит солнечный луч, пробившийся сквозь мутное оконное стекло. Подняв веки, я чувствую, что болезнь отступила. Приподнимаюсь и вижу Евгения. Он спит, скрючившись на стуле возле буржуйки.

Я накидываю на голое тело чье-то старое пальто, сую ноги в сапоги и выхожу, шатаюсь, на воздух. Яркий свет бьет в глаза, в легкие, словно жидкость, затекает бодрящая утренняя свежесть. Лес, покрытый росой, замер в безветрии. Листья кустов и деревьев сверкают на солнце как россыпи изумрудов. Я чувствую себя ребенком, котрый тайком пробрался в зал, где готовится рождественский праздник. Внезапно куст напротив качается, роняя блестящие капли, мелькает огненно-рыжая шерсть, и на поляну перед сторожкой выбегает лисица. Она замирает от неожиданной встречи. Секунду мы смотрим друг на друга, лиса встряхивает головой, чихает и, прыгнув, скрывается в зарослях. Я же, очарованный и замерзший, возвращаюсь в тепло сторожки.

Оказывается, я проболел четверо суток. Монаха нигде не видно. Оставляем ему немного денег и кое-что из еды. Евгений помогает собраться, дойти до катера и улечься в кубрике на кушетку. Ревет мотор, душно воняет соляжкой. У изголовья в иллюминаторе мелькает поверхность моря. Сквозь брызги на стекле видны пенящиеся буруны на фоне хмурого неба. Крадучись, в голову лезут суетливые мысли о том, что меня ждет дома, в душном мегаполисе. Но я отгоняю их, шепча словно молитву: «Я еще вернусь сюда. Я вернусь!»

□

Владимир Евгеньевич ЧЕРНЯВСКИЙ

родился в 1974 году в г. Укмерге ЛитССР.

Победитель Всероссийского литературного конкурса

к 110-летию Игнатия Рождественского,

литературного конкурса к 160-летию со дня рождения А. П. Чехова,

конкурса «Бумажный слон 12», конкурса «Кубок Брэдли-2020».

Рассказы автора публиковались в журнале «Байкал»,

конкурсных сборниках «Мю Цефея», «Квазар»,

в сборниках издательства «Перископ».

Живет в г. Москве.

В «Севере» публикуется впервые.

